

Посвящается моим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как случилась эта книга? В школьные годы, когда душа моя рвалась наружу, не зная, что с этим делать, я хватался за шариковую ручку и в школьную тетрадь неровным почерком записывал свои неровные впечатления. Бросал это, забывал, возвращался. В студенческие годы, на коленке, на театральных программках, на клочках бумаги я писал стихи. Терял эти страницы, находил, снова терял. Позже завел общую тетрадь, дал себе слово последовательно фиксировать происходящее, и делал это совершенно непоследовательно. Когда продолжением руки стала не ручка, а телефон, в нем начали множиться наброски и стихи, впечатления. Оказалось, что гаджеты имеют свойство разбиваться, теряться, глючить. Несколько раз с ужасом я понимал, что вместе с куском металла и сотней микросхем только что лишился какой-то части себя. Отчаянно пытался выудить хоть что-то, ругал себя последними словами за то, что не сохранял все это в каком-то там облаке. Но облако оставалось невинно-чистым, не отягощенным ни одним моим словом.

И все-таки некоторые заброшенные ненадолго или брошенные навсегда тексты каким-то образом собрались вместе. Когда половина этой книги уже была написана, на квартире у родителей на балконе я зачем-то полез в шкаф, к которому не притрагивались много лет, и сверху на меня посыпались мои забытые детские дневники. Вообще мне посчастливилось родиться в семье, где все много читали и писали. Деваться было некуда, пришлось заниматься тем же. Как у душевнобольного случаются приступы ярости или нежности, так и у меня бывают периоды, когда набрасываюсь на написание

стихов, а потом так же внезапно бросаю это занятие до следующего обострения. Потому у этих текстов в большинстве своем нет дат и места рождения. Они, как случайные связи, дорожные романы, мимолетные влюбленности, вспыхивают и угасают.

Когда мы с братом Вадиком играли в детстве, он любил собирать, а я — разбирать и ломать. Есть люди, которым нравится складывать вещи в чемодан, мне проще выкладывать... Так и с текстами, написал — и все. А править, вычесывать, вылизывать — у меня шерсть дыбом встает. Так что эти 400 страниц — пространство, где не нужно никем казаться, пространство, где я такой, какой есть.

И еще. Я поздравляю тех, кто держит сейчас в руках эту книгу. Она обладает сразу несколькими поразительными свойствами (это проверено на самом авторе). Известно, что миллионы нейронов — основа нашей нервной системы. Говорят, если всю нейронную сеть, состоящую из тончайших ниточек, вытянуть в одну, можно 68 раз облететь вокруг Земли или 7 раз долететь до Луны и вернуться обратно. Так вот, открыв эту книгу на любой странице, вы избавляете себя от всякой необходимости путешествовать, а значит, сталкиваться с трудностями оформления визы, бронирования билета, паковки багажа, мучительного перелета, прививок от малярии и прочее, и прочее.

Вы однозначно восстановите не одну сотню нервных клеток, точнее клеточных организмов, поскольку используемая здесь сплетенная, смежная и перекрестная система рифмовки не только восстановит старые, но и сформирует новые нейронные связи.

Благодаря особому сочетанию гласных и согласных при чтении вслух гарантирован всплеск тестостерона в крови и, как следствие, увеличение сексуального влечения у мужчин и женщин. В этом смысле идеально читать книгу вдвоем. Более того, приблизительно на 112–115 страницах, у вас

значительно повысится чувствительность эрогенных зон и даже, возможно, добавится несколько новых.

Читать лучше сидя или лежа на спине, при этом угол чтения не должен превышать шестидесяти градусов. Вес книги рассчитан так, что при данном положении он воздействует на состояние опорно-двигательной системы, регулирует обмен веществ.

Эта книга положительно влияет на продолжительность и качество сна, если читать ее на ночь, и дает мощный заряд бодрости, если читать с утра. Очевиден и омолаживающий эффект текста — кожа чутко отреагирует, разгладится, увлажнится. С погружением в материал эффект будет только нарастать. Заметно меняется состояние волос, они становятся мягкими и шелковистыми.

Литераторы, ученые и медицинские работники, которые уже ознакомились с материалом, настоятельно рекомендуют, закончив чтение, немедленно начать читать заново. При этом лучше приобрести второй экземпляр, а не перечитывать старый. Наблюдается прекрасный побочный эффект — возможность избавиться от громоздких библиотек, поскольку эта книга станет вашим единственным спутником на все случаи жизни.

И последнее. Используемая мной длина строки, то короткая, то длинная — и порой кажущееся отсутствие рифмы приводят к уникальному эффекту синтетического моделирования в организме читателя пяти гормонов, таких как дофамин, серотонин, адреналин, эндорфин и окситоцин. Отмечено, что уже на этапе предпродажи книги резко увеличилось число подачи заявлений в загс, особенно в Кунцевском районе Москвы. В Северодвинском автономном округе эти цифры достигли самых высоких показателей за последние 50 лет. Ожидается сильнейшее увеличение уровня рождаемости на всей территории России. Впрочем, до тех пор, пока вы не убедитесь во всем этом сами, это просто слова.

Приятного чтения.

Игорь Верник

БЕДНО ЖИВЕМ — БОГАТО КАШЛЯЕМ

Зима, идет снег. На уличном градуснике в белой пластмассовой оправе минус 15. Папа с мамой в детской комнате заделывают щель между окнами. Из нее нещадно дует. Мама с треском разрывает бумагу и от большого белого рулона ваты с усилием отрывает крупные куски. Они тянутся, как борода старика Хоттабыча, наконец, отделяются и мама передает их папе. «Трах-тибидох», — мысленно произношу я, но чуда не происходит, окно все так же постанывает от ветра и пропускает холодный воздух. Папа стоит на подоконнике, полусогнувшись, чтобы не удариться головой о потолок. На нем синяя клетчатая рубашка, очки в коричневой оправе и нож в руке. Волосы на голове всклокочены, в глазах воспаленная решимость, он похож на маньяка и на Дон Кихота одновременно. Вот он поднимает нож, я зажмуриваю глаза, рисуя в голове ужасную картину. Когда открываю их, вижу, что папа тщательно заправляет лезвием ножа куски ваты в щель. Вслед за тем аккуратно наклеивает полосу бумаги. Клей желтый, и пока высыхает, нагло просачивается сквозь белую бумагу. Вечером я смотрю на окно и мне кажется, что это рана, расплосовавшая надвое огромную физиономию.

Лето. Мы на даче. Папа по дикому благу где-то купил картофелечистку. Это пластмассовая круглая емкость с пластиковой ручкой и наждачной поверхностью внутри. Мама,

свято верящая во все заморское, восторженно объявила, что картошку теперь будем чистить только так. Поэтому мы с братьями теперь по очереди моем ее, кидаем по 5–6 штук в круглый агрегат, закрываем крышку и, крутя ручку, заставляем их тереться о шершавую поверхность до тех пор, пока, пенясь в воде, коричневые клубни не сбрасывают, наконец, свою кожуру. Пластикового урода надо все время придерживать рукой, потому что при каждом обороте ручки, он подскакивает, тарыхтит и норовит прыгнуть со стола. Мы ненавидим это изобретение западных специалистов, советских продавцов, извлекших его из-под полы, и картошку, которую теперь приходится есть даже чаще, чем гречку (а ее мы едим практически каждый день). Однажды наши детские мольбы, посылаемые в космос вслед за дворнягой Лайкой, Гагариным и Валентиной Терешковой, неожиданно были услышаны. У картофелечистки сломалась ручка. Она треснула и отлетела. Папа попытался приклеить ее, но после первого же усилия она предательски развалилась. Тогда он метнул на меня испепеляющий взгляд, а мама молча всунула мне в руку нож с красной ручкой. Этот нож с зубчиками на лезвии, привезенный папой из столицы западного мира — Будапешта, также бесконечно почитаем в нашей семье. Конечно, в хозяйстве имелись режущие предметы — перочинные, кухонные с помятым лезвием, короткие, длинные, с деревянной ручкой, с расплавленной ручкой, с рукояткой обтянутой синей изоляцией. Но такого изделия, такого красавца и пижона в СССР не было и быть не могло. И вот однажды два ножика, шесть небьющихся бордовых чашек и блюдец, дубленка с белым воротником для мамы, зеленые вельветовые штаны для Славы и кремовые батники с погонями для нас с Вадиком были извлечены папой из чрева клетчатого чемодана после возвращения его из командировки в Венгрию. С тех пор один нож, забытый мамой на раскаленной сковородке на плите, с оплавленной ручкой и изуродованным лезвием, в слезах был отправлен

в мусорное ведро, а другой лег сейчас в мою руку, призывая к унылому труду. Я взял картофелину и начал ее чистить, чувствуя, как в очередной раз на время начинаю превращаться из обезьяны в человека.

Весна. Воскресенье. Мы всей семьей сидим в гостиной за овальным столом, обедаем. Мама рассказывает поучительную историю об умении найти выход из любой ситуации. Это история про мужика, у которого денег было только на батон хлеба. Тогда он пошел на рынок и, проходя мимо большой бочки с медом, будто бы случайно уронил в нее свою буханку. Выругался, достал со словами: «Ну вас с вашим медом, весь хлеб испачкал» и, не слушая извинений ее владельца, довольный, удалился. Всякий раз, когда мама повторяет нам эту историю, она заливается звонким смехом. Папа любит маму. Мы с братьями примеряем ситуацию на себя. Вадик с недоверием и опаской, Слава с одобрением, я — с нескрываемым энтузиазмом.

Мама часто говорит про нашу большую семью: «Живем по принципу “спи скорей — подушку надо”». Это когда подушка в доме одна, а народу много и потому все на ней спят по очереди. А когда родители в очередной раз решают, как дотянуть до зарплаты, мама смотрит на мужа синими глазами и говорит: «А все-таки, Миля, хоть на две недели надо будет поехать с детьми в Палангу». «Конечно, Анечка», — отвечает он. «Бедно живем — богато кашляем», — улыбается мама.

В гостиной в трюмо на витых ножках стоит чайный сервиз «Мадонна». Раз в год мама достает чашки и блюдца, расписанные сюжетами из жизни пышнотелой красавицы, и ставит на стол. Папа заваривает черный чай, смешивая два сорта — индийский высший и цейлонский первый, и разливает по чашкам янтарного цвета ароматную жидкость. Мама с наслаждением делает первый глоток и рассказывает историю появления этого сервиза. Родители купили его в магазине «Советский фарфор» на Кузнецком Мосту на

следующий день после бракосочетания. Сделали себе такой подарок. Привезли его в свою девятиметровую комнату в квартире на улице Герцена, где кроме них проживали еще 12 соседей. Ставить сервиз было некуда и не на что, и потому он долго лежал в коробке. Затем его достали оттуда и поставили на большой широкий подоконник. Там он и стоял за зелеными шторами, роскошный предмет из другой жизни. Стоял и подглядывал за тем, что стало с жилищем, превращенным в коммуналку, словно вспоминал время, когда в этой большой квартире маленькая счастливая семья собиралась за круглым столом на вечернее чаепитие. За окном в тополиных листьях шумел ветер, звучала музыка. Мама рассказывала это, как сказку, и шла к фортепиано. Открывала черную матовую крышку и с ходу начинала играть, нежно и страстно, радостные и печальные мелодии, как будто вступала в диалог с теми неведомыми жильцами.

Лет в 8–9, в перерывах между школьными домашними заданиями, уроками музыки и сражениями на деревянных шпагах во дворе, я забирался в родительскую спальню, открывал дверцу шкафа и с верхней полки из-за стопки маминих кофт доставал шкатулку. В ней хранились иностранные купюры. Те, что оставались после папиных командировок в Венгрию и ГДР. Они бережно складывались туда, ожидая часа, когда в коричневом потертом портмоне в нагрудном кармане черного кожаного пиджака отправятся обратно на родину. Естественно, при условии, что папа возьмет в поездку этот пиджак и это портмоне. А поскольку других у Эмиля Григорьевича не имелось, то раз за разом в этой комбинации, они и отправлялись в желанное путешествие. Имелось, впрочем, еще одно, все определяющее обстоятельство — решение Гостелерадио СССР о творческом обмене с дружественной страной социалистического лагеря. Осуществить этот обмен и тем самым максимально сблизить два народа можно было с помощью постановки радиоспектакля. Разумеется, только если партбюро утвердит

кандидатуру Эмиля Верника в качестве режиссера этого спектакля. И вот когда все эти «если», как звезды, сходились, папа крепко целовал жену и детей и во имя улучшения советско-венгерских отношений в очередной раз отправлялся в далекую Венгрию, ставить спектакль венгерского автора с венгерскими актерами. Ну и во имя семьи, которая в день его отъезда вождельно начинала мечтать о дне, когда он вернется обратно с рассказом о новых впечатлениях и с туго набитым чемоданом. Так вот, однажды я проследил за тем, куда прячут деньги. Теперь чуть ли не каждый день, пока родителей нет дома, я достаю шкатулку, открываю ее и вынимаю разноцветные купюры и на удивление легкие монеты. Сидя на родительской кровати, на голубом шелковом покрывале с вышитым по центру лебедем, я раскладываю их по стопкам, пересчитываю еще и еще, и мне кажется, что в этот момент я владею всем миром. Позже выяснилось, что этих денег едва хватило бы на покупку какого-нибудь маленького металлического подноса. Такого, например, как тот, что висел у нас на стене в кухне. Я очень любил этот красный поднос с изображением коричневого щенка неизвестной породы. Конечно, ни щенок этот, ни предмет, на котором он был изображен, не имели никакой ценности, однако поднос тонким гвоздем был накрепко прибит к стене. И я знаю почему! Этот крашенный кусок металла был знаком приобщения к яркому теплому миру, который находился где-то далеко, за закрытым железным занавесом. Этот поднос сверкал, словно замочная скважина, приложив глаз к которой, можно было разглядеть или хотя бы представить себе очертания запретных, неведомых и чудесных стран.

Как-то лет в 13 во время очередного похода за продуктами мы с братом изменили привычный маршрут и вместо того, чтобы свернуть в магазин «Молоко», не сговариваясь, повернули направо — в комиссионный магазин...

Комиссионка. Оказавшись внутри, я захотел остаться там жить. Навсегда. Так Мастер, увидев Маргариту с отвратительным букетом желтых цветов, неожиданно осознал значение слова «счастье». Это была любовь с первого взгляда. Со взгляда же второго, когда ценник ближайшей вещи оказался у меня в руке, стало очевидно, что любовь эта не взаимная. Совершенно. Так бывает, ты открыл свои чувства, в ответ услышал: «Прости, я люблю другого». Мозг, на время перебравшийся жить в сердце, разлетается на тысячи осколков, ты понимаешь — нужно развернуться и уйти. Но нет, стоишь и не можешь пошевелиться, на тебя в упор смотрят холодные чужие глаза, и в них нет сострадания. Не проронив ни слова, мы с братом вышли из комиссионного магазина и вошли в дверь напротив. Положив в авоську несколько треугольных пакетов молока и столько же широкогорлых, запечатанных зеленой фольгой, бутылок ряженки, мы побрели домой. Фабрика одежды «Большевичка» в очередной раз праздновала победу над алчными нахальными заморскими кутюрье.

Мне 11 лет. Папа рассказывает, как Юрий Гагарин через короткое время после полета, в День космонавтики пришел к ним в редакцию науки и техники. Все выстроились для фото с ним. Так получилось, что папа оказался в центре. Гагарин подошел, пожал ему руку, встал рядом. Папа говорит: «В этот момент я как будто в космос поднялся. Стою и думаю, взлететь-то взлетел, а как возвращаться теперь?» Он смеется, а я в этот момент как-то особенно отчетливо осознаю, сколько легендарных людей он знал. Со сколькими из них работал, дружил. Например, с диктором Юрием Левитаном, голос которого навсегда соединил 4 года Великой Отечественной войны с каждым, кто прошел через это время. А еще в этот момент я думаю о том, что папа родился в 1924 году, всего лишь через семь лет после Октябрьской революции, а сестра его Бэла, моя любимая тетя, в 1918-м, то есть вообще на следующий год. Ленин объявлял